

повестями», к чтению которых церковная проповедь относилась весьма подозрительно. Подбор и распространение подобных «неполезных повестей» свидетельствовали об ослаблении того «верховного господства богословия во всех областях умственной деятельности»,⁶⁰ которое было присуще средневековью.

Но было ли это ослабление «верховного господства богословия» в чешской, польской и русской литературах сколько-нибудь глубоким и органическим? Выше мы говорили в основном о переводных памятниках: именно эти памятники дают возможность установить непосредственное совпадение между сюжетами светской литературы, имевшей хождение в трех славянских странах. Для решения вопроса о серьезности тех изменений, которые происходят в славянских литературах XV в., особенно важны, конечно, оригинальные памятники, возникшие в самих славянских странах. Такие памятники также существовали в этот период: наряду с переводными повестями в славянских странах XV в. возникают и собственные, оригинальные произведения художественной литературы. Рядом с поэтической «Александрией» в Чехии возникла рифмованная «Далимилова хроника»; рядом с баснями Эзопа — сатирические стихотворения и сатирическая народная драма. Оригинальная художественная литература на национальном языке складывается в XV в. и в Польше (оригинальным произведением, хотя и написанным на широко распространенный сюжет, была «Беседа магистра Поликарпа со Смертью»).

То же происходит и в России. К XV в. относятся русская «Повесть о Вавилоне», «Повесть о Царьграде», «Повесть о Дракуле»; тогда же была создана, очевидно, и «Повесть о Басарге», дошедшая до нас только в более поздних списках, но отражающая обстановку XV в. (неупоминание о турках).⁶¹ XV век в истории русской литературы был ознаменован не только появлением ряда памятников светской письменности, но и изменениями в самом художественном методе русских писателей — началом отхода от того прямолинейного «воинствующего дидактизма», от «черно-белого» изображения людей, которое исследователи считают характернейшей чертой средневековой русской литературы.⁶² Уже герои переводной беллетристики в значительной степени нарушали принципы «воинствующего дидактизма»: ни Александр Македонский, ни герои Троянской войны не были носителями христианских добродетелей; в их похождениях читателя привлекала не столько поучительность, сколько занимательность; еще менее удовлетворял дидактическим принципам получеловек, полузверь Китоврас, которого никак нельзя было признать ни положительным, ни отрицательным героем. Оригинальная русская беллетристика также порывала с принципами прямолинейного дидактизма. Центральный герой «Повести о Дракуле», «зломудрый» государь, искореняющий «зло» в своей стране, был сложной фигурой, не вполне положительной, но и не совсем отрицательной; в самом построении повести причудливо соединились некоторые заимствования из «Александрии» с анекдотами фольклорного характера. На таком же фольклорном сюжете о простачке (ребенке), отгадывающем замысловатые загадки злого царя, была построена и «Повесть о Басарге», перекликающаяся с популярными в мировой литературе рас-

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 360.

⁶¹ М. О. Скрипиль. Повесть о купце Дмитрии Басарге и сыне его Борзомысле. — В кн.: Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, стр. 400—401.

⁶² Ср. характеристики художественного метода древнерусской литературы в работах: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 9, 15, 65, 81, 86, 113; И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы. — Русская литература, 1958, № 1, стр. 79 и 82.